

В. Г. Белинский

**Выбранные места из
переписки с друзьями
Николая Гоголя**

Виссарион Белинский

**Выбранные места из переписки
с друзьями Николая Гоголя**

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

В январе 1847 года вышла книга Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой он позволил себе резкие выпады против своих «почитателей» и «хвалителей», среди коих, разумеется, на первом месте был Белинский. Белинский сразу занял непримиримую позицию по отношению к Гоголю, автору «Переписки».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя

Это едва ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русском языке!^[1] Беспристрастный читатель, с одной стороны, найдет в ней жестокий удар человеческой гордости, а с другой стороны, обогатится любопытными психологическими фактами касательно бедной человеческой природы... Впрочем, нисколько не прав будет тот, кем при чтении этой книги попеременно стали бы овладевать то жестокая грусть, то злая радость, — грусть о том, что и человек с огромным талантом может падать так же, как и самый дюжинный человек, радость оттого, что все ложное, натянутое, неестественное никогда не может замаскироваться, но всегда беспощадно казнится собственной же пошлостью... Смысл этой книги не до такой степени печален. Тут дело идет только об искусстве, и самое худшее в нем — потеря человека для искусства...

Сколько книга является с эпиграфами, которые нисколько к ним не идут и ничего в них не поясняют, и сколько эпиграфов так и просятся в эту книгу, которая явилась без всякого эпиграфа! Например, как бы шел к ней этот эпиграф: *Суета сует и всяческая суета!* или этот: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas!*¹ Но не будем говорить о том, чего в ней нет, а обратимся к тому, что в ней есть... Из предисловия узнаем мы, что автор был болен при смерти и написал было завещание. Все это очень обыкновенно и со всяким случиться может. Но вот что вовсе необыкновенно и чего доселе еще ни с кем из частных лиц не случалось. Завещание Н. В. Гоголя, напечатанное в книге вполне, не включает в себе никаких семейных подробностей, которые, разумеется, и не шли бы в печать, но все состоит из интимной беседы автора с Россиею... То есть автор говорит и наказывает, а Россия его слушает и обещает выполнить... Тут, между прочим, говорится, как о венце творений Гоголя, о какой-то *прощальной повести*, написанной им в назидание, поучение и услаждение высоких душ... Потом объявляется, что автор сжег все свои сочинения, бывшие у него в рукописях, как бесполезные... Вместо этого просит он друзей своих издать его письма с 1844 года для пользы тоже высоких душ... Но вот конец завещания в подлинных словах:

«VII. Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публичное издание и отказывал всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложением, и только в таком случае предполагал себе это позволить, если б помог мне бог совершить тот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединялось другое обстоятельство: *портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику, который должен был гравировать его.* Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бесмертной картины Рафаэля: Преображение господне. Он всем пожертвовал для труда своего, труда убийственного, пожирающего годы и здоровье, и с таким совершенством исполнил свое дело, подходящее ныне к концу, с каким не исполнял еще ни один из граверов. Но, по причине высокой цены и малого числа знатоков, эстамп его не может разойтись в таком количе-

¹ От великого до смешного — один шаг. — *Ред.*

стве, чтобы вознаградить его за все; мой портрет ему помог бы. Теперь план мой разрушен: раз опубликованное изображение кого бы то ни было делается уже собственностью каждого, занимающегося изданиями гравюр и литографий. Но если бы случилось так, что, после моей смерти, письма, после меня изданные, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже одним только чистосердечным стремлением ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидеть и портрет мой, то я прошу всех таковых издателей благородно отказаться от своего права; тех же моих читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется известностью, завели у себя какой-нибудь портрет мой, прошу уничтожить его тут же по прочтении сих строк, тем более что он сделан дурно и без сходства, и покупать только тот, на котором будет выставлено: гравировал Йорданов. Сим будет сделано по крайней мере справедливое дело. А еще будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп Преображения господня, который, по признанию даже чужеземцев, есть венец гравировального дела и составляет славу русскую.

Завещание мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всех журналах и ведомостях, дабы, по случаю неведения его, никто не сделался передо мною невинно-виноватым и тем бы не нанес упрека на свою душу».

Изданную теперь книгу «Выбранных мест из переписки с друзьями» г. Гоголь просит своих соотечественников прочитать несколько раз, а достаточных из них просит он покупать ее по несколько экземпляров для раздачи тем, которые сами купить ее не в состоянии (стр. 3)... Сбираясь в Сирию, на поклонение святым местам, просит он прощения у всех, перед которыми виноват, равно как и у тех, перед которыми не виноват... В особенности сознает он, что в его обхождении с людьми всегда было много неприятно-отталкивающего. «Отчасти это происходило (говорит он) оттого, что я избегал встреч и знакомств, чувствуя, что не могу еще произнести умного и нужного слова человеку (пустых же и ненужных слов мне произносить не хотелось),^[2] и будучи в то же время убежден, что по причине бесчисленного множества моих недостатков мне было необходимо хотя немного воспитать самого себя в некотором отдалении от людей. *Отчасти же это происходило и от мелочного самолюбия, свойственного только таким из нас, которые из грязи пробрались в люди и считают себя вправе спесиво глядеть на других*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В ответ на упреки В. П. Боткина в нетерпимости по отношению к книге Гоголя Белинский писал: «Ты упрекаешь меня, что я рассердился и не совладел с моим гневом? Да этого я не хотел. Терпимость к заблуждению я еще понимаю и ценю, по крайней мере в других; если не в себе, но терпимости к подлости я не терплю. Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости» (т. III, стр. 185).

2.

У Гоголя: «произносить мне не хотелось» (стр. 4).